11. Larousse. Retrieved 12 March, 2017 from http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/campagne_de_France/120118.

Дискурсивные практики информационной войны: роль ксенонимов в создании эффекта демонизации

С. В. Иванова
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Аннотация

Данная работа посвящена рассмотрению роли ксенонимов в создании эффекта демонизации в политическом дискурсе массмедиа. Рассматриваются культуроносные номинативные языковые единицы, импортированные из пространства *чужой* культуры в текст *своей* культуры. Исследование проводится с позиции дискурс-анализа: ксенонимы толкуются не как спорадическое проявление креативности автора в процессе построения текста, а как технология, основанная на дискурсивной практике демонизации, цель которой состоит в дискредитации противника. Для этого в политическом дискурсе оказываются задействованными такие способы введения знаков чужой лингвокультуры, как использование лексических единиц, именующих реалии чужой культуры или обозначающих чужой этнос, транслитерированные лексические единицы с обозначением социальных практик чужого лингвокультурного сообщества, предикативные единицы, восходящие к прецедентным явлениям чужой культуры, словообразовательные модели с одной из ксенонимических морфем. Использование ксенонимов обусловлено интегрированной в их коннотативное значение отрицательной оценочностью или связано с их ингерентной способностью порождать отрицательную оценочность.

Ключевые слова: политический дискурс, информационная война, демонизация, дискурсивные практики, ксенонимы, прецедентный текст.

Использование ксенонимов, то есть языковых единиц, возникших в "результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов (то есть в ходе деонимизации)" и мотивированных обобщенными представлениями о чужих народах и землях [1, с. 3], в политическом дискурсе массмедиа имеет вполне понятные основания: данные единицы, будучи проводниками культурной информации, содержат оценочность. Политический дискурс, характеризуемый такими свойствами, как агрессивность, эксплицитная и имплицитная оценочность, поляризация оценок [4, с. 63–65], не может не использовать ресурсов ксенонимов. Данная статья раскрывает особенности функционирования ксенонимических

единиц в массмедийном политическом дискурсе при реализации дискурсивной практики (далее: ДП) демонизации.

Внимание к ДП демонизации, в рамках которой рассматриваются ксенонимы, объясняется ее особой востребованностью при ведении современных информационных войн. Демонизация является "наивысшей формой дискредитации оппонента в ходе информационно-психологической войны" [2, с. 28] и как ДП базируется на использовании определенных языковых ресурсов. Одним из таких средств являются ксенонимы. Ксенонимы — это языковые единицы, отсылающие к чужой культурной семиосфере. Ксенонимы, используемые в рамках ДП демонизации в политическом дискурсе СМИ, включают: (1) лексические единицы, именующие реалии чужой культуры, (2) лексические единицы с обозначением чужого этноса, (3) транслитерированные лексические единицы, заимствованные из чужой лингвокультуры, с обозначением социальных практик, которые, якобы, отсутствуют в своем социуме, (4) предикативные единицы, служащие обозначению прецедентных явлений чужой культуры, (5) словообразовательные модели с использованием ксенонимической морфемы, заимствованной из чужой лингвокультуры.

Так, ксеноним *czar* является одним из маркеров ДП демонизации в американском политическом дискурсе. Данная морфема восходит к русскому *царь*, но расходится с ним в своих коннотациях. Русская лексема *царь* используется либо как нейтральная единица, указывающая на официальный статус политического лица, либо функционирует в переносном смысле, предполагая величие, первенство [3]. Более того, царь может быть наделен в русской лингвокультуре такими чертами, как милосердие, великодушие, величавость (*царь-батюшка*). Таким образом, в русском языковом сознании царь может быть отмечен как отрицательным, так и положительным знаком оценочности. В английской лингвокультуре *czar*в политическом дискурсе выступает исключительно как носитель отрицательной оценки. Положительные контексты с этим ксенонимом в английской политической лингвокультуре маловероятны, хотя его дефиниция в *Merriam Webster* не потенцирует отрицательного:

1: Emperor, specifically: the ruler of Russia until the 1917 revolution, 2: one having great power or authority: a banking czar [5]. Тем не менее, специфика использования данного ксенонима в англоязычном политическом дискурсе СМИ однозначно свидетельствует о его отрицательной коннотации. Практический материал свидетельствует: ДП, основанная на использовании данного ксенонима, весьма востребована при создании эффекта демонизации, несмотря на свою избитость и интеллектуальную незамысловатость. Как известно, политический дискурс не отличается наличием серьезных логических построений, эксплуатируя эмоциональную сферу адресата. Чужое имеет тенденцию быть отмеченным знаком минус — это правило политической коммуникации при реализации ДП демонизации. Таким образом, при использовании лексемы *czar* в со-

четании с именем современного политика наблюдается семантическое сужение и оценочный сдвиг при заимствовании культуронима в американскую лингвокультуру: слово лишается некоторых из своих значений, которые характеризовали его в "родной" лингвокультуре.

Еще одним приемом, связанным с использованием ксенонимов, является транслитерированный ввод слова чужой лингвокультуры при том, что слово со сходной семантикой уже существует в принимающем языке. Так производится намек на то, что негодная социальная практика, отсутствуя в своей культуре, характеризует культуру чужую. Неудивительно в свете подобной аргументации появление русского слова *maskirovka* во многих американских СМИ при описании политики России: *Russian calls for new Syrian elections and sharing intelligence with Western powers are nothing more than exercises in "maskirovka", Russia's classic technique for disguising its real objectives* (NYT 26.10.2015); *President Putin's game plan in Ukraine becomes clearer day by day despite Russia's excellent, even brilliant, use of its traditional 'maskirovka'* [HP]; *The Russian military disguised its actions, and denied them — but those "little green men" who popped up in the Black Sea peninsula were a textbook case of the Russian practice of military deception — or maskirovka* (BBC 29.01.2015). Использование русского слова при наличии англоязычных эквивалентов (*trick, disguise, deception)* подчеркивает изначальную хитроумность политического оппонента и вписанность аморальной социальной практики в его языковую картину мира.

Еще одним возможным актуализатором ДП демонизации являются транслитерированные и зачастую трансформированные прецедентные феномены чужой культуры, выступающие как предикативные единицы. Во время предвыборной кампании в Вашингтон Пост была напечатана статья о Д. Трампе под красноречивым заголовком *Trump's Potemkin Village (The former head of the casino regulatory authority told The Post's Robert O'Harrow Jr. that Trump had built a "Potemkin village"*. WP 21.06.2016). Автор обращается к финансовой истории Трампа при строительстве казино Тадж Махал в Атлантик-Сити, когда тот не смог оправдать вложенные в строительство деньги, взятые у банков под залог. В результате инвесторы остались банкротами. Авторская идея состоит в том, что и республиканская партия останется банкротом, делая ставку на Трампа. Русское прецедентное высказывание, не очень знакомое среднему американскому читателю (Merriam Webster (5) датирует это заимствование 1904 годом: *Grigori Potëmkin, who supposedly built impressive fake villages along a route Catherine the Great was to travel*), используется с троякой целью: заклеймить Трампа, который не раз "кидал" своих партнеров по бизнесу, намекнуть на его связи с Россией и реализовать людическую (эстетическую) функцию при помощи данного ксенонимического включения. В конечном итоге все это должно способствовать большей убедительности текста.

Как показывает эмпирика, журналисты не чураются синтаксических моделей с обозначением прецедентных явлений чужой культуры, кото-

рые калькируются и затем трансформируются в другом языке, достигая прагматического эффекта от иррадиирущей негативной коннотации первоначального прецедентного феномена. Совершенно очевидно, что от читателя при этом не требуется больших когнитивных усилий, чтобы декодировать трансформированный прецедентный ксеноним (*Putin the Terrible: Understanding Russia's New Czar* (HP).

Чрезвычайно распространенным способом указания на чужое и ассоциированный с ним негатив является использование этнонима. Это связано с тем, что этноним, именуя ту или иную этническую общность, еще и вызывает к жизни закрепленные за этим этнонимом стереотипы или даже искаженные представления о соответствующей этнической общности [1, с. 3–4]. В рамках ДП демонизации приоритет получают именно последние. Не зря на бензозаправке в г. Эванзвилле, родине Лили Кинг, соперницы российской пловчихи Ю. Ефимовой, висел лозунг, простой по своей формулировке, но очень красноречивый с точки зрения передачи категории свой÷чужой: *Beat that Russian doper's ass.* Без указания имени, но с идентификацией по этническому признаку. Отрицательный контекст, который окружает этноним *Russian*, способствует тому, что отрицательные ассоциации оказываются прочно связанным с ним. Коммуникативная цель — создание шлейфа негатива, который бы закрепился за данным этнонимом, достигнута. Таким образом, становится вполне объяснима легкость дальнейших многочисленных манипуляций с ним (ср.: *what will the crowds do if a Russian wins an Olympic gold medal at swimming?* (CNN 08.08.2016).

Используются также слово образовательные модели с морфемой-ксенонимом: *It was already branding "Crooked Hillary" before "emails" existed and Americans, if they thought of Benghazi at all, might have thought the word rhymed with "feminazi"* (Fox News 19.01.2017). Новообразованное слово весьма интересно, так как обыгрывает сразу две ксенонимические морфемы: город Бенгази, который должен напомнить читателям о провальной внешней политике Клинтон в ее бытность госсекретарем. А, с другой стороны, в новообразованном слове *feminazi* содержится и морфема *nazi*, намекающая на экстремизм профеминистской позиции г-жи Клинтон.

Тенденции использования ксенонимических лингвокультурных знаков в плане внешнего оформления предполагают, во-первых, при необходимости их транслитерацию при трансфере в чужую лингвокультуру, а, во-вторых, трансформацию при использовании, что обусловливается необходимостью манипулирования читательским восприятием при помощи изучаемого языкового ресурса.

Нет сомнения, ксенонимы являются действенным средством актуализации ДП демонизации. Их декодирование не требует больших интеллектуальных усилий со стороны адресата: опора производится на негативные стереотипы, закрепившиеся в принимающей лингвокультуре. Таким образом, ксеномотивация как обобщенное негативное представление

о чужом [1, с. 4] и связанная с ксенонимом отрицательная оценочность являются главным аргументом при его использовании в ДП демонизации. Лексические единицы чужой культуры призваны быть мощным средством подтверждения особо дьявольского менталитета политического противника, подтверждением чего является его языковая картина мира.

Список литературы:

1. Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации // ВЯ. 2006. №6. С. 3–20.
2. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. №5 (59). С. 28–37.
3. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. URL: http://slovarozhegova.ru/ (дата обращения 28.02.2017).
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
5. Merriam Webster [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/. (дата обращения 28.02.2017).

Сведения об авторе:

Иванова Светлана Викторовна, д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: svet_victoria@mail.ru

DISCURSIVE PRACTICES OF INFORMATION WARFARE: THE ROLE OF XENONYMS PRODUCING THE DEMONIZATION EFFECT

Svetlana V. Ivanova

Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: svet_victoria@mail.ru

Abstract

The given paper is devoted to the role of xenonyms in creating the effect of demonization in political mass media discourse. Culturally motivated nominative language units imported from alien culture are examined in it. The research involves discourse analysis, which implies the study of xenonyms not as a sporadic manifestation of the author's creativity in the process of constructing the text, but rather as a technology based on the discursive practice, the aim of which is to increase the persuasive potential of the political mass media text in order to discredit the opponent. Political discourse widely uses well-established ways of introducing signs of a foreign linguo culture, and includes the use of lexical units which identify the realities of another culture, indicating a foreign ethnos, transliterating lexical units with the designation of the social practices of another linguocultural community, predicative units denoting

foreign culture significant precedent phenomena, word-formation models with a xenomorpheme. The use of xenonyms is due to the value integrated in their connotation or due to their inherent ability to generate negative evaluation.

Keywords: political discourse, information warfare, demonization, discursive practices, xenonyms, precedent text.

References:

1. Berezovich, Ye. L. (2006). O yavlenii leksicheskoy ksenomotivatsii [On the phenomenon of lexical ksenomotivation]. *Voprosy yazykoznaniya* [*Issues of linguistics*], 6, 3–20.
2. Ivanova, S. V. (2016). Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozdaniye effekta demonizatsii [Linguistic resources employed in an information war: demonization effect techniques]. *Politicheskaya lingvistika* [*Political linguistics*], 5 (59), 28–37.
3. Tolkovyy slovar' Ozhegova [Ozhegov explanatory dictionary]. Copyright (C) Ozhegov, S. I. 2008–2009. Retrieved 28 February, 2017 from http://slovarozhegova.ru/.
4. Chudinov, A. P. (2007). Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. Moskva: Flinta: Nauka.
5. Merriam Webster. Retrieved 28 February, 2017 from https://www.merriam-webster.com/dictionary/.

Отражение китайских культурных ценностей в современном политическом дискурсе КНР

М. Я. Каплунова
Институт языкознания РАН, Московский педагогический государственный университет

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопросов взаимодействия языка и культуры в рамках современного китайского политического дискурса. За основу анализа взят так называемый "язык власти", отражающий социально-политические установки правительства страны. В частности, в статье рассматриваются способы отражения системы китайских культурных ценностей на примере текстов выступлений Си Цзиньпина с момента его вступления в должность Председателя Китайской Народной Республики. Анализируется положенная в основу политической деятельности Си Цзиньпина концепция "китайской мечты", которая не противоречит традиционной конфуцианской идее "гармонии" и вместе с тем способствует становлению китайской идентичности и формированию